

Забытые русскіе люди.

Къ вопросу о западно-русскомъ старообрядчествѣ.

I.

Среди сплошного литовскаго населенія Ковенской губерніи встрѣчается совершенно особенный типъ, не похожій на туземца и представляющій отличіе отъ мѣстныхъ православныхъ поселенцевъ-бѣлоруссовъ, выходцевъ изъ Витебской и Виленской губ. Это отпрыскъ чисто русской вѣтви старообрядецъ-великороссъ. Онъ является самобытнымъ и въ извѣстной степени исконнымъ русскимъ насельникомъ этого глухого края. Въ то время какъ православная отрасль русской колонизаціи считаетъ не болѣе 50 лѣтъ, мѣстный старообрядецъ можетъ справедливо гордиться тѣмъ, что его предки первые проложили путь русскому имени и русскому слову въ тѣхъ мѣстахъ, которыя до 1863 — 1864 гг. не знали ни того, ни другого. Старое русское выраженіе „гдѣ ни плугъ, ни соха, ни топоръ, ни коса не ходила“ можетъ быть примѣнимо и къ этой мѣстности, какъ къ непочатой для русскаго человѣка почвѣ не только въ этнографическомъ, но и въ хозяйственно-экономическомъ смыслѣ. Первые русскіе поселенцы не встрѣтили на этой заброшенной сторонѣ, до которой и отъ стараго Пскова и отъ Смоленска, и отъ бѣлорусскихъ урочищъ Гродненской губерніи рукой подать, чего-либо похожегаго на гостепріимство, не нашли подготовленной почвы [для развитія и укрѣпленія русской колонизаціи; русскаго поселенца искони манилъ дальній Востокъ, холодная и негостепріимная Сибирь, а не этотъ сѣверо-западный уголокъ государства, сосѣдній съ культурными странами Западной Европы. Исторія переселен-

ческаго движенія русскаго населенія въ этомъ краѣ, до послѣднихъ лѣтъ не попадавшая въ печать, а извѣстная лишь мѣстной администраціи и старожиламъ, нашла себѣ нѣкоторое освѣщеніе въ IV томѣ „Виленскаго Временника“, въ статьѣ, озаглавленной „Русскія поселенія Ковенской губерніи“ (изданіе Виленскаго генераль-губернаторскаго управленія. Вильна 1909 года). Это весьма тщательно составленный экономическій сборникъ, наглядно иллюстрирующій распредѣленіе и экономическое положеніе русскаго крестьянскаго населенія губерніи. Перечню русскихъ поселеній предпосланъ составленный г. А. Станкевичемъ, однимъ изъ участниковъ экспедиціи для ознакомленія съ положеніемъ русскаго населенія, историческій очеркъ этой колонизаціи. Очеркъ поучителенъ и цифрами, и фактами, и выводами, наглядно свидѣтельствующими о томъ, какія препятствія должно было преодолѣть это новое для западной окраины Имперіи дѣло и какъ пагубно отразилось на немъ отсутствіе интеллигентной инициативы и сознательнаго отношенія къ дѣлу со стороны мѣстной администраціи, располагавшей послѣ 1863—1864 гг. значительными средствами для того, чтобы прочно поставить дѣло колонизаціи. Для иллюстраціи этой печальной одиссеи русскаго переселенчества достаточно указать на одинъ фактъ. Ковенскій губернаторъ Николай Муравьевъ, сынъ усмирителя мятежа 1863—1864 гг., вмѣстѣ съ другимъ энергичнымъ дѣятелемъ, управляющимъ Ковенской казенной палатой Энгельгардтомъ положили основаніе наиболѣе многолюднымъ и устойчивымъ русскимъ поселеніямъ, на земляхъ выселенной изъ губерніи шляхты, принимавшей участіе въ возстаніи, и проектировалъ расширеніе этихъ крестьянскихъ поселковъ, для чего предназначалось имѣніе графа Чапскаго—Вижуны съ 17.000 десятинъ земли. Энергичный администраторъ встрѣтилъ оппозицію въ лицѣ своего отца, который нашелъ эту мѣру преждевременной. Въ тѣ же годы нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ преимущественно мировымъ посредникамъ было облегчено приобрѣтеніе имѣній и значительныхъ земельныхъ участковъ на льготныхъ условіяхъ.

Конечно, дѣйствительность не оправдала эфемерныхъ административныхъ надеждъ на созданіе особаго культурнаго типа русскаго землевладѣльца. Крупныя и мелкія земельныя единицы, искусственно перешедшія въ руки людей, не имѣвшихъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ, такъ же легко были утрачены, ставъ предметомъ спекуляціи и разныхъ юридическихъ сдѣлокъ, облегчавшихъ переходъ ихъ къ прежнимъ вла-

дѣльцамъ. Подобные факты, проникшіе даже на страницы сатиры Салтыкова, ближе всего указываютъ, какъ неумѣло было поставлено дѣло, отъ котораго, можно сказать, зависѣла духовная физіономія этой отдаленной и въ общемъ малокультурной губерніи. Значительное большинство русскихъ поселенцевъ составляли старообрядцы, болѣе привыкшіе къ чужой сторонѣ, въ которой со временъ Екатерины II они искали религіозныхъ и общественныхъ льготъ. Они охотно откликнулись на призывъ мѣстной администраціи, которая не могла не оцѣнить установившейся за ними репутаціи хорошихъ колонистовъ. Но административная прямолинейность и отсутствіе выработанной программы привели къ печальнымъ послѣдствіямъ. Колонизація не только не расширялась, а даже шла на убыль. Такъ въ 1885 году, черезъ двадцать лѣтъ послѣ возстанія 1863 — 1864 гг., въ Ковенской губерніи 15% русскихъ переселенческихъ участковъ очутились въ рукахъ туземныхъ крестьянъ путемъ переуступокъ. Попытки нѣкоторыхъ генераль-губернаторовъ, напримѣръ, Каханова, расширить область русскаго крестьянскаго землевладѣнія, по словамъ указанной выше статьи, „разсѣивались въ той чащѣ переписки, котсрую приходилось вести не только съ центральными, но и съ мѣстными управленіями государственныхъ имуществъ“ (стр. LIII). А между тѣмъ, дѣло шло объ обезпеченіи землей цѣлыхъ 500 старообрядческихъ семействъ въ Ковенской и 1.000 въ Виленской губерніи, въ общей сложности до 9.600 душъ.

Дѣятельность большинства генераль-губернаторовъ (Альбединскій, Оржевскій, Троцкій) не дала рѣшительно никакихъ благопріятныхъ результатовъ, а управленіе генераль-губернатора Потапова авторъ историческаго очерка признаетъ прямо вреднымъ для русской колонизаціи, находя, что онъ „за шесть лѣтъ управленія краемъ не только не довелъ это начинаніе до конца, но въ большей степени подорвалъ въ него вѣру какъ въ высшихъ учрежденіяхъ, такъ и въ средѣ мѣстныхъ дѣятелей“ (стр. XLVI). По свидѣтельству автора очерка, Потаповъ относился къ старообрядцамъ недружелюбно. Онъ предлагалъ [циркуляръ генераль-губернатора отъ 26 іюня 1871 г. № 919] устраивать большіе поселки для православныхъ, а старообрядцевъ расселять мелкими единицами и подальше отъ крупныхъ поселеній. Любопытенъ другой историческій фактъ этой переселенческой одиссеи.

Въ 1875 году ковенскій губернаторъ Базилевскій предложилъ для устраненія крайней разбросанности поселенческихъ

поселковъ, отведенныхъ не по площадямъ, а отдѣльными мелкими оазисами въ 4—5 дворовъ, устраивать поселенія въ 100 дворовъ, пользуясь для этой цѣли частными имѣніями, продаваемыми за долги въ Виленскомъ банкѣ. Были и денежные средства для осуществленія этой мѣры въ размѣрѣ 700.000 р. отъ продажи уже заготовленнаго земельного фонда. Проектъ этотъ дальше Вильны не пошелъ, да и тамъ не встрѣтилъ сочувствія генералъ-губернатора Альбединскаго, испугавшагося „сложности (!)“ предпріятія. Авторъ очерка съ горечью замѣчаетъ, что „живое дѣло устройства русскихъ поселеній.. свелось къ канцелярской волокитѣ“, что администраторы предпочитали дѣйствовать по трафарету, не заботясь о судьбѣ поселенцевъ“ (стр. XLV—XLVII).

Не останавливаясь на другихъ не менѣ интересныхъ фактахъ, ограничимся лишь приведеніемъ нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ по этому вопросу. Съ 1863 по 1900 годъ въ Ковенской губерніи было водворено 2.129 семействъ поселенцевъ, на 33.657 дес. казенной земли. Изъ прежнихъ поселенцевъ остались на мѣстахъ 1.536 семей, съ земельнымъ фондомъ почти въ 25.000 дес.; ушло съ отведенныхъ имъ надѣловъ около 600 семействъ; въ руки мѣстныхъ крестьянъ литовцевъ перешло 7.346 дес. переселенческой земли.

Даже въ 1907 году около четвертой части поселенцевъ (24,1% или 1.653 двора) не владѣли землей. Остальная часть поселенцевъ владѣла всего 39.520 дес. надѣльной земли. Последняя распредѣлялась между 5.122 дворами, что даетъ въ среднемъ 7,71 дес. на отдѣльный дворъ.

Благопріобрѣтенной земли у поселенцевъ было 14.403 дес. и почти столько же арендуемой. Такимъ образомъ, общая площадь русскаго крестьянскаго землевладѣнія въ Ковенской губ. составляетъ немного болѣе 68.000 десятинъ. Это за сорокъ слишкомъ лѣтъ колонизаціонной политики!

По свидѣтельству автора очерка (стр. LXXI) Крестьянскій банкъ за послѣдніе годы (до 1909 г.) обезпечилъ землей 479 русскихъ поселенцевъ, изъ нихъ 271 старообрядца.

Въ униссонъ съ этими скудными цифрами звучатъ и заключительныя строки очерка, въ которыхъ сквозь малообоснованный оптимизмъ автора сквозитъ грустная нотка, „сознаніе невыполненнаго передъ этимъ населеніемъ долга“. „Сѣмя русской народности, оптимистически возглашаетъ авторъ очерка, занесенное на окраину въ тяжелыя годы внутреннихъ бурь, дождалось наконецъ заботливаго ухода“ (!) (стр. LXXII).

Этотъ оптимизмъ, однако, не находитъ себѣ опоры ни въ фактахъ почти полувѣкового прошлаго, о которомъ самъ авторъ знаетъ больше темныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ явленій, ни въ свидѣтельствѣ другихъ источниковъ, по которымъ и теперь русская народность представлена въ Ковенской губ. такъ же слабо и недостаточно великаго государства, какъ и полвѣка тому назадъ. Вѣра въ историческую Улиту, конечно, заслуживаетъ извѣстнаго сочувствія, хотя бы для той цѣли, о которой говоритъ авторъ очерка по поводу приводимыхъ имъ статистическихъ данныхъ, рисующихъ неприглядную картину русскаго переселенчества: „интересно освѣтить этими данными раскрытыя выше страницы прошедшаго“ (стр. LXVII).

Бросимъ бѣглый взглядъ на факты историческаго прошлаго этихъ поселеній, опредѣляющіе исходную точку развитія этого дѣла.

До 1862 г. въ Ковенской губ. жило 13.000 старообрядцевъ, преимущественно въ восточныхъ ближайшихъ къ русскимъ губерніямъ уѣздахъ. Населеніе это жило чрезвычайно мелко: оно распредѣлялось между 730 пунктами, при чемъ въ половинѣ поселковъ (384) жило до 10 душъ, въ 106 отъ 20 до 50 душъ, въ 38 отъ 50 до 100, и въ 11 пунктахъ свыше ста душъ въ каждомъ.

Въ 1866—70 гг. было образовано 165 поселковъ, въ которыхъ жило 1.206 семействъ, владѣвшихъ площадью въ 18.738 дес. Средній размѣръ надѣловъ былъ 9—12 дес., каковыя признаются авторомъ очерка скудными. Дробность поселковъ почти не уменьшилась. Это видно изъ того, что только въ шести изъ нихъ число дворовъ колебалось между 30 и 106. Значительное большинство (94) заключало не болѣе 5 дворовъ каждый, а 50 поселковъ отъ 5 до 15 дворовъ.

О бытовыхъ условіяхъ, въ которыхъ жили поселенцы, даютъ понятіе слѣдующія цифры: собственныя жилища изъ 1.370 семействъ были у 374; остальные должны были ютиться въ наемныхъ помѣщеніяхъ или въ старыхъ фермахъ. Помимо Базилевскаго, радѣтелемъ поселенцевъ является въ Ковенской губ. губернаторъ Оболенскій, предлагавшій цѣлый рядъ мѣръ для подъема экономическаго и духовнаго уровня этихъ русскихъ людей. Между прочимъ онъ предлагалъ освободить поселенцевъ на 10 лѣтъ отъ податей и на 25 лѣтъ отъ рекрутчины, но всѣ эти мѣры разбились о косность мѣстной казенной палаты, которая всячески тормозила дѣло надѣленія поселенцевъ землею и неослабно взыскивала недоимки, доводя иногда дѣло до разо-

рительныхъ военныхъ экзекуцій. (Очеркъ, стр. XXX). Конечно, старообрядцы страдали отъ этой неурядицы больше, чѣмъ православные, находившіе защиту въ лицѣ своихъ приходскихъ священниковъ и встрѣчавшіе покровительство со стороны мѣстной администраціи. Въ этомъ отношеніи важно отмѣтить дѣятельность чиновника особыхъ порученій при виленскомъ генераль-губернаторѣ полковника П. М. Салтыкова, при которомъ, по выраженіи автора очерка, русское дѣло, правда, „шло не безъ ошибокъ, но тѣмъ живымъ темпомъ, который онъ умѣлъ въ него вносить“ (стр. XLV—VI). Но въ отношеніи старообрядцевъ Салтыковъ держался совершенно другихъ взглядовъ, считая ихъ малопригодными для русской колонизаціи. „Подъ впечатлѣніями высылки нѣсколькихъ порочныхъ изъ ихъ среды (преимущественно конокрадовъ) онъ забывалъ, что такія явленія, между прочимъ, обуславливались помимо неопредѣленности ихъ положенія и той борьбой за существованіе, которую они должны были вести болѣе ста лѣтъ на чужой сторонѣ. Земельное обезпеченіе сразу должно было понизить процентъ порочныхъ. Кромѣ того, на его оцѣнкѣ старообрядцевъ сказалась рекомендація мѣстнаго чиновничества, не переваривавшаго ихъ самостоятельнаго характера и отсутствія низкопоклонства. Эти мѣстныя отношенія очень интересно охарактеризованы въ запискѣ управляющаго Ковенскою казенною палатою Прокоповича, энергично отстаивавшаго передъ генераль-губернаторомъ необходимость устроить въ земельномъ отношеніи старообрядцевъ (стр. XLVI, выноска 150).

Приведенныя выше строки весьма характерны для выясненія тѣхъ пріемовъ, къ какимъ прибѣгали представители мѣстной администраціи въ дѣлѣ укрѣпленія русской колонизаціи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Такихъ же взглядовъ держались и генераль-губернаторы Муравьевъ, Потаповъ, Альбединскій и Тотлебенъ. Отъ нихъ старообрядцы не могли ожидать какого-либо улучшенія своей участи. Да и вообще усердіе преемниковъ Муравьева къ дѣлу переселенчества значительно ослабѣло. Объ этомъ можно судить уже потому, что въ теченіе десяти лѣтъ (1874--1883) было устроено въ земельномъ отношеніи только 525 русскихъ поселенческихъ семействъ, изъ нихъ 92 старообрядческихъ. Общее число душъ въ этихъ семействахъ достигало 2.260. При этомъ нужно замѣтить, что половина этихъ поселенцевъ были отставные или безсрочно отпускные нижніе чины, жандармы, бывшіе чиновники. Положеніе старообрядцевъ стало улучшаться лишь съ половины

восьмидесятихъ годовъ, т.-е. съ наступленіемъ третьяго десятилѣтія переселенческой одиссеи. Старообрядцы нашли покровителей въ лицѣ генераль-губернатора Каханова (1884—1893 г.) и ковенскаго губернатора Мельницкаго. Кахановъ обратилъ вниманіе на 9.600 старообрядцевъ, составлявшихъ свыше 1.500 семействъ, не обеспеченныхъ землей, такъ какъ они не подходили подъ дѣйствіе закона 1876 г. Эти благія начинанія разбились о косность не только центральныхъ, но и мѣстныхъ учрежденій. А между тѣмъ нужда въ землѣ у старообрядцевъ, можно сказать, была вопіющая. Въ одной Ковенской губ. около 1.700 душъ старообрядцевъ (850 семействъ) вовсе не владѣли землей, а 2.580 владѣли жалкое существованіе арендаторовъ помѣщичьихъ земель.

При Кахановѣ былъ поставленъ на очередь вопросъ о мѣстной народной школѣ и улучшеніи ея матеріальнаго положенія. На содержаніе народныхъ школъ сталъ отчисляться извѣстный процентъ изъ земскихъ суммъ. Сотрудникомъ Каханова въ этомъ дѣлѣ явился Мельницкій, выработавшій рядъ мѣръ къ подъему русскаго землевладѣнія. Онъ въ своихъ докладахъ развивалъ цѣлую программу этого дѣла, осуществленіе которой могло положить прочное основаніе русскому переселенчеству въ краѣ. Доклады Мельницкаго обнаруживаютъ вообще ясное пониманіе мѣстныхъ условій. Такъ, онъ настаиваетъ на увеличеніи переселенческаго земельного фонда, усиленныхъ ссудахъ изъ Крестьянскаго Банка (до 1000 руб.), далѣе проекты Мельницкаго отводятъ народной школѣ то мѣсто, которое она должна была занимать, какъ наиболѣе вѣрное средство для духовнаго подъема поселенцевъ. Мельницкій предлагалъ весьма важную мѣру, которая была осуществлена значительно позже,—обеспеченіе матеріальной независимости народной школы отъ крестьянскихъ обществъ, за которыми часто скрывались мѣстные мірофды-воротилы, волостные старшины и писаря. Эти дѣятели доставляли мѣстнымъ народнымъ учителямъ не мало горькихъ минутъ, и учебная администрація не всегда бывала въ силахъ защитить народнаго учителя отъ ихъ незаконныхъ посягательствъ, а равно и отъ придирокъ низшихъ представителей полицейской власти.

Мельницкій входилъ и въ детали школьной организаціи въ смыслѣ ея болѣе цѣлесобразнаго и приспособленнаго къ мѣстнымъ нуждамъ устройства. Онъ придавалъ большое значеніе вліянію духовенства и старообрядческихъ наставниковъ на подрастающее поколѣніе. По мысли Мельницкаго народная школа

Ковенской губерніи въ отношеніи русскаго населенія должна была осуществлять двоякую миссію: способствовать развитію племенного самосознанія путемъ проникновенія въ деревню русской книги и оказать благотворное вліяніе на слишкомъ обособленную старообрядческую семью въ смыслѣ сближенія ея съ православнымъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ придавалъ извѣстное значеніе совмѣстной просвѣтительной работѣ православнаго духовенства и старообрядческихъ наставниковъ. Завершеніемъ программы Мельницкаго являлось предоставленіе старообрядцамъ извѣстныхъ гражданскихъ правъ, которыя могли бы уравнять ихъ съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ.

Взглядъ на значеніе старообрядчества въ дѣлѣ колонизаціи такимъ образомъ измѣнился и въ административныхъ сферахъ. Не лишено значенія, что и самъ генераль-губернаторъ считалъ нужнымъ указывать на колонизаціонную цѣнность старообрядческаго элемента въ краѣ, сдѣлавъ его изъ терпимаго активнымъ и достойнымъ заботливости со стороны представителей власти.

Съ удаленіемъ Каханова окончился этотъ свѣтлый моментъ въ исторіи русскаго переселенчества, онъ смѣнился прежнею апатіей, даже еще въ большей степени. Генераль-губернаторы Оржевскій и Троицкій не только не продолжали благихъ начинаній Каханова, но, можно сказать, убили ихъ въ корнѣ.

Неудивительно, что при такомъ положеніи дѣла русское крестьянское землевладѣніе въ двухъ окраинныхъ губерніяхъ Ковенской и Виленской не только не расширялось, но и шло на убыль. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ статистическія данныя хотя бы по Ковенской губерніи, приведенныя въ указанномъ очеркѣ. Въ теченіе 38 лѣтъ (отъ 1863 по 1900) площадь русскаго крестьянскаго землевладѣнія уменьшилась на 21,8% (изъ 33.657 десятинъ 7.346 перешли въ руки мѣстныхъ литовскихъ крестьянъ).

Бросающаяся въ глаза убыль того, надъ чѣмъ безуспѣшно трудились въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, пробудила высшія административныя сферы, и русское землевладѣніе наконецъ было признано вопросомъ государственнаго значенія, былъ ассигнованъ особый кредитъ въ 10 тысячъ рублей для ссудъ русскимъ поселенцамъ-крестьянамъ. Недостатокъ опытныхъ, а главное просвѣщенныхъ руководителей, людей инициативы, далъ себя знать и здѣсь, какъ нежелательный тормозъ живого дѣла. Не удалась попытка водворенія русскихъ поселенцевъ въ Тельшевскомъ уѣздѣ (имѣніе Посвайчи); болѣе удачной оказа-

лась покупка Крестьянскимъ Банкомъ имѣнія Датново, площадью въ 2.800 дес.

Въ ближайшее къ намъ время (1907 г.) площадь русской крестьянской земли равнялась 68.245 дес., въ томъ числѣ 14.322 дес. арендуемой земли. Что касается величины земельныхъ участковъ, то нужно замѣтить, что около 60% домохозяевъ владѣтъ участками менѣе 15 дес., что не обеспечиваетъ въ Ковенской губерніи содержанія средней семьи, а пятая часть домохозяевъ является малоземельною (менѣе 5 дес. на семью). Таковы результаты этой продолжительной переселенческой россиады. Нельзя не видѣть въ нихъ повторенія того безпорядка, которымъ отличается организація многихъ общественныхъ дѣлъ. Оно обнаруживается между прочимъ въ неопредѣленности самаго хода дѣла, противорѣчивыхъ, исключяющихъ другъ друга теченіяхъ, скудости средствъ, отсутствіи идейной организаціи. Къ тому же выводу приводятъ и заключительныя слова цитированнаго нами очерка. Авторъ не можетъ скрыть неблагоприятныхъ условій развитія переселенческаго вопроса и заканчиваетъ свой очеркъ скорѣе красивымъ, чѣмъ обоснованнымъ утвержденіемъ о значеніи мѣстнаго русскаго крестьянскаго элемента (ср. стр. LXXI и LXXII).

Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ намъ приходилось болѣе детально касаться отдѣльныхъ сторонъ этого переселенческаго вопроса въ связи съ дѣятельностью духовенства Ковенской губерніи. Сравнивая матеріалъ, даваемый статистическимъ очеркомъ, съ тѣмъ, что давала сама жизнь, разсматриваемая не черезъ призму сухихъ казенныхъ актовъ, а въ отраженіи ея насущныхъ интересовъ, въ борьбѣ за существованіе небольшихъ, слабо обеспеченныхъ группъ, нельзя не придти къ грустному выводу, что далеко еще то время, когда во главѣ колонизаціоннаго движенія въ Западномъ краѣ станутъ люди идеи, бодрой общественной инициативы, проникнутые сознаниемъ ея важности не только какъ административнаго явленія, но и какъ фактора общественной жизни.

II.

На этомъ тускломъ фонѣ тяжелой и обидной для русскаго дѣйствительности протекаетъ жизнь старообрядцевъ, небогатая радостями, скорѣе неприглядная, но заключающая въ себѣ тѣ

¹⁾ „Русская Старина“ 1911 г. іюль, ст. „Одинъ изъ людей Іосифа Съмашко“.

же начала, которыя дали старообрядчеству возможность сохранить единство и свои племенные индивидуальныя особенности и безъ утратъ дожить до тѣхъ временъ, когда пали тяжелыя вѣковыя цѣпи, давившія живыя силы представителей русскаго до-петровскаго уклада. Разсѣянное въ семи окраинныхъ губерніяхъ старообрядчество, по выраженію одного изъ его официальныхъ актовъ, можетъ гордиться не только тѣмъ, что оно представляетъ наиболѣе стойкую этнографическую единицу, но и тѣмъ, что оно является виднымъ представителемъ русскаго элемента въ экономической жизни края. Въ этомъ отношеніи оно, дѣйствительно, составляетъ ядро русскаго населенія.

Нашъ очеркъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ распространенію старообрядческаго населенія въ Ковенской губ. Нужно замѣтить, что кромѣ небольшого слоя польскихъ, вѣрнѣе ополяченныхъ литовцевъ-помѣщиковъ, населеніе губерніи въ массѣ составляютъ литовцы (восточная часть) и жмудины (сѣверо-восточная часть губерніи), а также евреи, составляющіе значительную часть населенія уѣздныхъ городовъ и мѣстечекъ.

Русское населеніе представлено служилыхъ классомъ и такъ называемыми поселенцами. Послѣднихъ насчитывается до 42 тысячъ человекъ. Изъ нихъ 30.870 старообрядцевъ. Такимъ образомъ $\frac{3}{4}$ русскаго населенія составляютъ старообрядцы. Наибольшее число ихъ приходится на Ново-Александровскій, самый восточный, прилегающій къ Витебской губерніи, уѣздъ, именно свыше 18 тысячъ. Затѣмъ слѣдуютъ уѣзды (южныя) Ковенскій—5.000 чел., Вилкомирскій—до 4.000, (средніе сѣверныя) Шавельскій—2.000, Поневѣжскій—800 и (западные) Россіенскій—до 700 чел. и Тельшевскій—135 чел.

При взглядѣ на карту, приложенную къ статистическому очерку, обращаетъ вниманіе распредѣленіе старообрядческаго населенія по уѣздамъ Ковенской губ. въ смыслѣ его группировки.

Ядромъ старообрядческаго населенія явится Ново-Александровскій уѣздъ. Здѣсь его поселенія густой сѣтью покрываютъ восточную часть уѣзда, ихъ болѣе сотни. Въ этомъ же уѣздѣ сосредоточено наибольшее число молитвенныхъ домовъ (22), между прочимъ въ городѣ Ново-Александровскѣ и въ заштатномъ городѣ Видзахъ.

Въ Ковенскомъ уѣздѣ старообрядцы живутъ въ южномъ его углу между г. Ковно и мѣстечкомъ Яново (станція Либ.-Ром. ж. д.). Здѣсь расположено 30 поселеній съ тремя молитвенными домами (одинъ въ г. Ковно). Эти старообрядческія гнѣзда переходятъ на сѣверный берегъ Вилии въ единичныя разсѣянныя

на значительномъ пространствѣ поселенія (ближайшая моленная находится въ Никольской слободѣ). Наиболѣе сѣверными изъ этихъ поселеній являются Константиновская слобода и Новопаткайна. Живутъ старообрядцы и въ большомъ мѣстечкѣ Кейданахъ, но мѣстной моленной не имѣютъ.

Поселенія старообрядцевъ въ Вилкомирскомъ уѣздѣ сосредоточены въ его восточной и южной части и двумя небольшими гнѣздами въ сѣверной, около мѣстечка Рогова и къ юго-западу отъ мѣстечка Субогъ, неподалеку отъ православнаго Сурдегскаго монастыря. Старообрядцы располагаютъ въ этомъ уѣздѣ 6 моленными, изъ нихъ одна въ г. Вилкомирѣ.

Сѣверный центральный Шавельскій заключаетъ ряды старообрядческихъ поселеній, расположенныхъ преимущественно въ южной его части, къ югу отъ мѣстечка Радзивилишки, довольно оживленной станціи Либаво-Роменской желѣзной дороги; въ западной части, ближе къ Тельшевскому уѣзду, а также въ сѣверной расположены небольшія старообрядческія поселенія. Въ уѣздѣ пять моленныхъ, но въ г. Шавляхъ таковой не имѣется.

Въ Поневѣжескомъ уѣздѣ старообрядческое населеніе живетъ въ его южной и восточной части, ближе къ узкоколейной Свенцянской жел. дорогѣ. Есть моленная въ г. Поневѣжѣ и еще въ одномъ пунктѣ.

Немногочисленные (числомъ 10) поселенія старообрядцевъ въ Россіенскомъ уѣздѣ расположены въ его сѣверо-восточной части, образующей вдающійся въ сосѣдніе два уѣзда, Шавельскій и Ковенскій, клинъ. На весь уѣздъ имѣется только одна моленная въ поселеніи Каханишкахъ, недалеко отъ мѣстечка Кельмъ. Есть еще два поселенія къ юго-западу отъ города Россіень, а три поселенія вдвигаются въ глубь Жмуди въ сѣверо-западной части уѣзда ближе къ мѣстечку Колтынянамъ.

Въ самомъ глухомъ сѣверо-западномъ уѣздѣ губерніи Тельшевскомъ немногочисленные старообрядческія поселенія (всего семь) расположены въ сѣверной части уѣзда, ближе къ Курляндской губерніи, и одно (Гайнишки) въ средней, ближе къ г. Тельшамъ; моленныхъ на картѣ не указано.

Что касается количественнаго распредѣленія старообрядцевъ, то наглядное понятіе объ этомъ даютъ нижеслѣдующія цифры.

Ново-Александровскій уѣздъ. Наиболѣе крупнымъ старообрядческимъ поселеніемъ является г. Ново-Александровскъ и

Новая-Весъ (по 400 чел. въ каждомъ), Миланцы 250 чел. и Шпули 225 чел. Въ 25 пунктахъ, обитаемыхъ старообрядцами, число ихъ колеблется между 200 (8 поселеній) и 100.

Ковенскій уѣздъ г. Ковна по числу старообрядческаго населенія (до 750 чел.) занимаетъ первое мѣсто въ губерніи; изъ остальныхъ поселеній наиболѣе многолюдными является Нокельская слобода (до 600 чел.), Рымки (430 чел.), Михайловская слобода (около 350 чел.) и Паскутишки (250 чел.); въ четырехъ поселеніяхъ число старообрядцевъ колеблется между 225 и 120 чел.

Вилкомирскій уѣздъ. Наиболѣе населеннымъ мѣстомъ являются Миланцы (около 300 чел.), затѣмъ слѣдуютъ городъ Вилкомиръ (250 чел.) и мѣстечко Рогово (220 чел.); въ остальныхъ семи поселеніяхъ число старообрядцевъ колеблется между 150 и 100.

Шавельскій уѣздъ. Наиболѣе крупныя поселенія Дубяны-Увессы (около 300 чел.—есть моленная), Вегеры —около 200 чел. и Клинетъ около 150 чел.; въ четырехъ поселеніяхъ число старообрядцевъ не превышаетъ ста душъ въ каждомъ.

Поневѣжскій уѣзды. Поневѣжъ 150 чел., Комиссаровка, Дарганы и Сапино по 135 чел.

Росіенскій уѣзды. Наиболѣе населенные пункты Коханишки (130 чел.) и Слижишки (120 чел.).

Обращаетъ вниманіе немногочисленность, граничащая съ отсутствіемъ, старообрядческаго населенія въ уѣздныхъ городахъ Шавли, Росіены и Тельши.

Малочисленно, единично представлено старообрядческое населеніе въ значительномъ числѣ, даже большинствѣ наиболѣе торговыхъ бойкихъ мѣстечекъ, каковы: Кретингенъ (Тельшевскаго уѣзда), Кельмъ, Юрбургъ, Таурогенъ (Росіенскаго), Яново (Ковенскаго), Ониншты (Вилкомирскаго), Биржи, Поненушки, Ракишки (Поневѣжскаго), Радзивилишки, Попеляны, Жагоры, Янишки (Шавельскаго). Старообрядцы или не живутъ въ нихъ совсѣмъ или же составляютъ ничтожный процентъ, такъ напр. въ Попелянахъ ихъ всего 10 человекъ.

Вообще районъ старообрядческаго населенія расположенъ къ сѣверу и востоку отъ Нѣмана по р. Дубиссѣ, Свентѣ до озеръ Ново-Александровскаго уѣзда. Поселенія расположены преимущественно въ юго-восточной и восточной части губерніи и въ центральномъ сѣверномъ Шавельскомъ уѣздѣ.

III.

Старообрядцы, поставленные въ отношеніи распредѣленія среди туземнаго населенія Ковенской губерніи въ условія, болѣе благопріятныя, чѣмъ русскіе поселенцы, православнаго исповѣданія, обнаруживаютъ и большую устойчивость въ сохраненіи своего племенного типа, языка, вѣроисповѣданія. Объ этомъ свидѣтельствуесть и ничтожное число единовѣрцевъ. Къ туземцу умный и смѣтливый старообрядецъ относится дружелюбно, но не безъ оттѣнка сознанія своего превосходства. Прочность религіозной организаціи, вліяніе наставниковъ, ревниво охраняющихъ отеческія традиціи, сплоченность при патриархальномъ складѣ возрѣній—все помогаетъ старообрядцу удержаться въ своей прочной первобытной ячейкѣ, не выходить за предѣлы этой замкнутой кружковщины. Малое распространеніе грамотности, отсутствіе своихъ школъ — все создаетъ почву для сохраненія старины. Вредъ этой замкнутости сознають болѣе развитые старообрядцы, какъ это видно изъ постановленій бывшаго въ январѣ 1906 года въ Вильнѣ старообрядческаго съѣзда. Изъ мелкихъ ячеекъ сплотиться въ одно органическое цѣлое является настоятельною потребностью для старообрядчества въ виду новыхъ условій жизни, настоятельно вовущихъ на новые пути. *Pia desideria* этой сплоченности намѣчались въ Петербургѣ въ февралѣ 1906 года среди депутатовъ отъ разныхъ вѣтвей старообрядчества (петербургскихъ, московскихъ, нижегородскихъ и сѣверо-западныхъ).

Виленскій съѣздъ, съ постановленіями котораго можно познакомиться изъ его трудовъ, во многомъ уясняетъ положеніе современнаго старообрядчества, ядромъ котораго является Ковенская губернія, а центромъ г. Вильна. На немъ, дѣйствительно, была сдѣлана попытка поставить вопросы „большого значенія“, по выраженію одного изъ участниковъ съѣзда. На немъ была высказана мысль, что старообрядцы „призваны къ свободному и наравнѣ съ прочими народностями нашего отечества равноправному существованію“, была указана цѣль съѣзда „положить фундаментъ для самобытности, самоуправленія и единенія старообрядческихъ общинъ“. Однимъ изъ средствъ этого единенія являются, при настоящемъ положеніи старообрядчества, религіозные вопросы, которые по этому самому играли видную роль на съѣздѣ. Главное вниманіе было обращено на развитіе сознательнаго отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности, для чего является необходимымъ подъемъ

умственного уровня наставниковъ. Выражено было пожеланіе, чтобы наставники получали основательную профессиональную подготовку въ училищѣ при мѣстномъ Покровскомъ храмѣ. Докладъ виленскаго старообрядца О. М. Андреева, одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей сѣзда, говоритъ объ организаціи старообрядческихъ народныхъ школъ и о преподаваніи въ нихъ Закона Божія. Въ уставѣ Виленскаго Свято-Покровскаго старообрядческаго братства указаны эти живыя теченія, которыя не сегодня—завтра коснутся и замкнутаго старообрядческаго мірка. Цѣли братства, помимо поддержанія церковнаго благолѣпія, заключаются въ изданіи для народа книгъ, устройствѣ школъ, въ частности ремесленныхъ, собесѣдованій, домовъ призрѣнія. Сознавая недостаточность мѣстныхъ средствъ (ст. 14), сѣздъ считаетъ нужнымъ прибѣгнуть къ помощи подписныхъ листовъ, которые рассылаются „по молитвеннымъ храмамъ въ Россійской Имперіи“.

Конечно, эти цѣли выдвинуты самою жизнью. Отраднo, что среди лучшихъ людей мѣстнаго старообрядчества пробуждается мысль о реорганизаціи быта сообразно нарождающимся духовнымъ и культурнымъ потребностямъ. На сѣздѣ поднимался вопросъ объ устройствѣ собственной старообрядческой типографіи, въ которой печатались бы не только священныя и богослужебныя книги, но и „гражданскія произведенія“; остановилъ сѣздъ недостатокъ денежныхъ средствъ для оборудованія типографіи. Въ докладахъ того же О. М. Андреева проводится мысль о необходимости не только мѣстнаго, но и общерусскаго объединенія старообрядчества. Въ качествѣ подготовительныхъ мѣръ Андреевъ предложилъ поддерживать переписку съ наиболѣе видными представителями старообрядчества въ разныхъ губерніяхъ, приобрѣтать сочиненія о старообрядчествѣ, выписывать мѣстныя газеты и т. п. О бібліотекахъ постановленія сѣзда не говорили ничего, вѣроятно, до этого еще не додумались.

Эти разрозненныя части еще не готовой зарождающейся программы при своей примитивности и наивной воспримчивости цѣнны въ томъ отношеніи, что онѣ говорятъ о близости реформъ въ старообрядчествѣ. Въ пользу этого говоритъ и довольно значительный ростъ старообрядческой индустріи. Въ одномъ изъ официальныхъ актовъ сѣверо-западные старообрядцы указываютъ на то, что нѣкоторыя отрасли торговли перешли въ ихъ руки, а въ другихъ онѣ успѣшно конкурируютъ съ мѣстнымъ еврействомъ.

IV.

Въ тщетныхъ попыткахъ пробить вѣковую толщу старыхъ пережитковъ, тормозящихъ приливъ новыхъ, близкихъ къ жизни понятій, лучшіе люди сѣверо-западнаго старообрядчества встрѣчаютъ не мало препятствій. Главное изъ нихъ — отсутствіе правильно организованной, приспособленной къ нуждамъ старообрядчества школы. Не имѣя подъ руками статистическихъ данныхъ, трудно судить о числѣ обучающихся въ народныхъ школахъ старообрядческихъ дѣтей, но во всякомъ случаѣ оно незначительно. Старообрядецъ естественно будетъ сторониться той школы, которая отрываетъ его дѣтей отъ стариннаго уклада жизни, прививаетъ нежелательныя новшества молодому поколѣнію. Уваженіе къ староотеческимъ преданіямъ еще сильно въ старообрядцѣ, и онъ крѣпко держится за нихъ, инстинктивно чувствуетъ, что при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни они единственная основа его быта, лучшій союзникъ, въ нелегкой жизненной борьбѣ, требующей, помимо напряженія силъ, внутренней сплоченности, полной солидарности ближайшихъ поколѣній. Нашу школу упрекаютъ и не безъ основанія въ излишней многопредметности, теоретичности и оторванности отъ жизни. Она мало даетъ для развитія характера, воли, разумной трудоспособности. Всего этого не можетъ не замѣчать проницательный взоръ простого, смѣтливаго человѣка. Но этотъ же человѣкъ приходитъ къ выводу о необходимости ученья. Постановка и организація наиболѣе цѣлесообразной школы дѣло сложное, и ни простое, ни именитое мѣстное старообрядчество не могутъ взять ея въ свои руки. Иностранческая начальная школа не лишена поддержки правительства; на то же въ правѣ рассчитывать старообрядцы. Для нихъ важенъ вопросъ о профессиональныхъ школахъ, какъ наиболѣе полезныхъ въ смыслѣ подъема экономического благосостоянія.

Старообрядческая молодежь теперь еще очень далека отъ русской книги, и потому ученіе въ школахъ общаго типа для нея малопроизводительно (число старообрядцевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ничтожно). Профессиональное образованіе дало бы ей вѣрный кусокъ хлѣба, способствуя въ то же время и сильному умственному подъему. При слабомъ развитіи въ Сѣверо-Западномъ краѣ кустарнаго производства, профессиональныя школы, особенно женскія, могли бы сослужить хорошую службу организаціи этого дѣла. Въ связи съ указаннымъ

выше уменьшеніемъ русскаго крестьянскаго землевладѣнія распространеніе образованія явилось бы средствомъ удержать на мѣстахъ болѣе живучіе элементы крестьянства, давъ имъ въ качествѣ подспорья ремесло.

Старообрядческій съѣздъ 1906 г. отвелъ мѣсто въ своихъ дебатахъ и вопросу о средствахъ борьбы съ уменьшеніемъ русскаго крестьянскаго землевладѣнія. При этомъ было обращено вниманіе на исконное зло въ организациі русскаго земельного дѣла—крайнюю дробность и разъединенность поселеній. Строки, посвященныя этому вопросу, весьма убѣдительно иллюстрируютъ положеніе дѣла. Приводимъ ихъ.

„Селенія нѣкоторыхъ изъ насъ разбросаны иногда отдѣльными хуторами среди сплошнаго инородческаго населенія. До послѣдняго времени существованіе въ такихъ поселкахъ русскихъ людей было хотя затруднительное, но въ общемъ сносное. Теперь все измѣнилось. Національное сознаніе у инородцевъ 'растетъ непомѣрно; изъ всѣхъ силъ раздувается страшная гордость, желаніе обосноваться и выдѣлиться въ особую группу... Положеніе отдѣльныхъ русскихъ семействъ среди сплошнаго инородческаго населенія стало чрезвычайно тяжелымъ. Правительство оказало бы такимъ русскимъ людямъ неоцѣнимую услугу, переселивъ и соединивъ ихъ черезъ посредство Крестьянскаго поземельнаго банка въ болѣе многочисленныя группы. Прежнія земли такихъ русскихъ поселенцевъ ¹⁾ и старообрядцевъ могутъ быть съ выгодой проданы Крестьянскимъ банкомъ крестьянамъ-литовцамъ или полякамъ, почему значительныхъ убытковъ казна не потерпитъ, а русскіе люди избавятся отъ опасности потерять свою національность“.

Выступленіе въ 1905—6 г. литовцевъ и латышей, понятно, не могло не напугать мирное и разъединенное русское населеніе, но и помимо этого временнаго движенія, положеніе поселенцевъ должно было ухудшиться, когда прошли прежнія патріархальныя времена мирнаго симбіоза. Старообрядцы, какъ болѣе сознательный элементъ переселенчества, опасаются утраты національности, которая по мѣстамъ постигла въ Ковенской губ. русское населеніе.

Характерно и слѣдующее мѣсто изъ трудовъ съѣзда, указывающее на средство выйти изъ ненормальнаго положенія.

„Лучшимъ способомъ къ устройству быта мѣстныхъ русскихъ людей въ Сѣверо-Западномъ краѣ было бы надѣленіе ихъ

¹⁾ Разумѣются православные поселенцы.

изъ свободныхъ казенныхъ земель на правахъ русскихъ поселенцевъ... Вопреки заключенію Виленско-Ковенскаго управленія государственными имуществами о невозможности отчужденія въ краѣ казенныхъ земель, мы утверждаемъ, что, на примѣръ, въ Ковенской губерніи имѣются въ числѣ казенныхъ земель незначительныя лѣсныя дачи, пространствомъ въ 40 десятинъ, которыя безъ особаго ущерба могутъ быть предоставлены въ надѣлъ нашимъ единовѣрцамъ, такъ какъ расходы по охранѣ такихъ дачъ не соотвѣтствуютъ ихъ доходности. Съ глубокою печалью мы узнали, что управляющимъ вновь открытымъ Ковенскимъ отдѣленіемъ государственнаго поземельнаго крестьянскаго банка рекомендовано пріостановиться покупкою частновладѣльческихъ земель за счетъ банка для водворенія русскихъ поселенцевъ... Поэтому такое направленіе Ковенскаго отдѣленія крестьянскаго банка будетъ грозить нашимъ интересамъ, ставя русское поселеніе въ особо неблагоприятныя условія“...

Еще тяжелѣе положеніе немногочисленной группы старообрядцевъ въ Курляндской губерніи. Делегаты отъ Курляндіи указывали на постепенное уменьшеніе старообрядческаго крестьянскаго земледѣлія. „Чтобы избѣгнуть окончательнаго выселенія русскаго населенія изъ края, заявляли они, необходимо надѣлать его землею изъ многочисленныхъ въ Курляндской губерніи казенныхъ земель большими обществами, не разбрасывая отдѣльными семействами среди инородцевъ“.

Принимая во вниманіе многочисленность съѣзда, въ которомъ участвовало 74 наставника и свыше 300 свѣтскихъ делегатовъ, слѣдуетъ признать, что вышеизложенныя положенія имѣютъ общій характеръ, выражающій настоящее положеніе западно-русскаго старообрядчества.

Передъ нами прошли наиболѣе типичныя явленія мѣстной крестьянской россіады. Въ нихъ очень мало утѣшительнаго, и они настойчиво указываютъ на необходимость коренной реорганизаціи этого дѣла. Конечно, послѣдняя возможна лишь въ отдаленномъ будущемъ. Западный край съ его малою культурностью, разъединенной жизнью, ждетъ еще своихъ Словцовыхъ, Ядринцевыхъ и Сибириковыхъ для ускоренія общаго темпа жизни, своихъ Милютиныхъ, Самариныхъ и Черкасскихъ для обезпеченія экономическаго и духовнаго благосостоянія народныхъ массъ.

Адр. Круковскій.

